

«Школа бывает хорошая и плохая, других школ нет», — считает Гегам Григорян

Три года тому назад известный французский режиссер Никола Жюль поставил в Парижской Опере одно из лучших сочинений Верди «Бал-маскарад». Мне тогда довелось дважды видеть этот спектакль с участием великого итальянского тенора Лючано Паваротти. В 1993 году главную партию в этой опере исполнил американский певец Деннис О'Нил. И вот теперь в Парижской Опере пар-

ти я уже легко отличал хорошего певца от плохого, в том числе и среди итальянцев. Итальянские певцы не всегда поют на хорошем языке. Это приходит с работой, требует серьезного отношения и любви.

— Ваше становление проходило на оперных сценах Еревана, Милана, Вильнюса, Москвы и Ленинграда. К какой вокальной школе вы себя причисляете?

— Школа бывает хорошая и плохая. Других школ нет.

— И все-таки вы приверженец каких традиций?

— Старых итальянских.

— Сейчас вы впервые поете в одной из самых популярных и самых красивых опер Верди. Вы готовили долго свою партию?

— Нет. Партию Рикардо я освоил всего за месяц. К сожалению, у меня нет возможности что-то долго готовить. Нет времени. Над партитурой Верди я работал один. В последние дни мне подыгрывал пианист, чтобы я смог спеть партию от начала до конца.

— Что вы можете сказать об этой опере Верди в целом?

— Это гениальная музыка и одна из самых компактных опер. В «Бал-маскараде» наблюдается переход к самым зрелым произведениям

Верди — «Аиде», «Отелло», «Фальстафу». Здесь каждая ария значима и на своем месте, все осмысленно и пережито. Это настоящий театр.

— Вы впервые поете в Парижской Опере. Каковы ваши впечатления о новом оперном здании?

— Я от него в восторге. Многие любят старые театры, их архитектуру, интерьеры. Я считаю театр хорошим, если есть акустика и если есть удобства для работы. Новая Парижская Опера, как никакой другой театр в мире, имеет абсолютно все для работы. Опера на пл. Бастилии — чрезвычайно удобный театр. В нем можно ставить сразу несколько спектаклей, что здесь и делают. Но есть возможности делать еще больше.

— Вы объездили весь мир, знаете лучшие сцены мира. Какая из них для вас самая дорогая?

— Сцена Ереванского оперного театра. В то же время для меня это еще и самая строгая сцена. Там нельзя петь просто так.

— Взыскательная публика?

— Очень. К своим певцам — строго, к чужим — нет.

— Вы сейчас в расцвете творческих сил, на гребне успеха. О чем вы мечтаете?

— Чтобы моя карьера в дальнейшем складывалась удачно и я добился всего того, о чем грезил в детстве. Правда, это немного поздневато для меня. 10 лет мне не разрешали выезжать из Союза. Слава Богу, многое изменилось. Но теперь приходится учить новые партии, не те, что я пел раньше.

— И все-таки какая партия для вас наиболее заманчива?

— Сейчас я пою «Бал-маскарад», но думаю о «Паяцах». Сожалею, что одновременно предстоит петь и «Сельскую честь», потому что это оперы, где нужно выкладываться до конца. Видимо, придется себя сдерживать, так как петь две оперы подряд — трудно. А вообще меня влечет к «Отелло». Но до этого я еще должен спеть мои любимые оперы — «Турандот» и «Манон Леско».

ВИКТОР ИГНАТОВ

Париж

Гегам Григорян (на переднем плане) в опере «Бал-маскарад». Фото Ф.Клейнефена.

тию Рикардо с огромным успехом провел Гегам Григорян, солист Мариинского театра. Об этом исполнителе Пьер Пети, музыкальный критик газеты «Фигаро», сказал: «Тенор чрезвычайно широкого диапазона с мощным, богатым тембром и безупречным стилем».

По окончании одного из семи спектаклей Гегам Григорян дал для нашей газеты интервью.

— Вы начали заниматься пением в 18 лет. С чего все началось?

— Меня обучали игре на скрипке в музыкальной школе, а вырос я, можно сказать, в оперном театре. С шести лет почти каждый день я сидел в первом ряду и слушал все подряд, потому что мой педагог по скрипке был концертмейстером в ереванском Театре оперы и балета им. Спендиарова. После окончания музыкальной школы я поступил в новое тогда Ереванское музыкальное училище. Мне хотелось заниматься на вокальном отделении. В то время у меня был слабый голос, не было диапазона, однако пел я хорошо. Но дирекция, оценив мое рвение, определила меня... на дирижерское отделение. Я каждый день надоедал директрисе, что хочу петь. Но я не хотел оставлять дирижерское отделение, там музыкой занимались более серьезно, и у меня был хороший педагог. Таким образом, в училище я окончил два факультета, а затем учился в Ереванской консерватории у того же педагога — народного артиста Армении Сергея Петровича Дanelяна, прекрасного тенора.

— А как вы попали в театр «Ла Скала»?

— В Москве был конкурс. После прослушивания меня направили на девятимесячную стажировку в Милан. В «Ла Скала» я спел партию Пинкертон в концертном исполнении «Мадам Баттерфлай».

— Когда вас слушаешь в опере «Бал-маскарад», создается ощущение, что поет истинный итальянский тенор. У вас великолепное произношение, замечательные интонации. Трудно поверить, что всему этому вы научились. Откуда это взялось?

— От любви к пению. В молодос-